

АПТЕКА

Долгие годы Генри Киттеридж работал фармацевтом в соседнем городке и каждое утро вел машину по заснеженным дорогам, или по мокрым дорогам, или по летним дорогам, когда дикая малина выбрасывала новенькие колючие плети на самой окраине, перед поворотом на широкое шоссе, ведущее к аптеке. Теперь, на пенсии, Генри все равно просыпается рано и вспоминает, как сильно он любил утро — словно весь мир был его личной тайной, как тихонько шуршали шины, как проступал свет из утренней дымки и как справа на миг мелькал залив, а потом показывались сосны, высокие и стройные, и как почти всегда он ехал с открытым окном, потому что любил запах сосен и густого соленого воздуха, а зимой любил запах холода.

Аптека была маленькая, двухэтажная и примыкала к другому зданию, в котором были два отдельных магазинчика — хозяйственный и продуктовый. Каждое утро Генри парковался во дворе у железных мусорных баков, через заднюю дверь входил в аптеку, включал везде свет, термостат или — летом — вентиляторы. Открывал сейф, заряжал кассовый аппарат деньгами, отпирал главный вход, мыл руки, надевал белый лабораторный халат. Этот ритуал был приятен и утешителен, как будто бы сама старая аптека — с ее рядами зубной пасты, витаминов, косметики, заколок для волос, даже швейных иголок и поздравительных открыток, а также красных резиновых грелок и клизм — была его неизменным и надежным другом. И все неловкое и неуютное, что случалось дома, все тревоги из-за того, что жена часто среди ночи покидала их постель и бродила по комнатам, — все это отступало, как берег в прилив, стоило ему перешагнуть порог своего надежного прибежища. Стоя в глубине аптеки, у выдвижных ящиков и шкафчиков с медикаментами, Генри радовался жизни, когда начинал трезвонить телефон, радовался жизни, когда приходила миссис Мерримен за своими таблетками от давления или старый Клифф Мотт за настойкой наперстянки, радовался жизни, когда готовил валиум для Рейчел Джонс, от которой сбежал муж в ту самую ночь, когда у них родился ребенок. Слушать — это было его, Генри, естественное состояние, и каждую рабочую неделю он по многу раз повторял: «Ох, до чего печально это слышать!» или «Ну надо же, ничего себе!»

В душе его жил тихий трепет человека, в детстве дважды пережившего нервные срывы матери, кото-

рая в остальное время неустанно о нем пеклась. И потому если иной покупатель — такое изредка, но бывало — огорчался из-за цены либо возмущался низким качеством эластичного бинта или пакетика со льдом, Генри всегда старался поскорее уладить недоразумение. Много лет у него работала миссис Грэнджер. Ее муж был ловцом лобстеров, и с ней в аптеку словно влетал холодный морской ветер: она была не из тех, кто стремится угодить придирчивому покупателю. Генри, готовя лекарства по рецептам, вечно прислушивался вполуха — не дает ли она там, у кассы, решительный отпор кому-нибудь недовольному. Похожее чувство не раз возникало у него, когда он поглядывал, не слишком ли сурово отчитывает Оливия, его жена, их сына Кристофера из-за невыполненного урока или несделанных домашних дел; он знал за собой это свойство — быть всегда настороже, знал эту свою потребность всех умиротворить. Заслышав резкие нотки в голосе миссис Грэнджер, он спешил из глубины зала, чтобы самому поговорить с клиентом. В остальном миссис Грэнджер справлялась с работой хорошо. Он ценил, что она была не болтлива, идеально вела учет товаров и почти никогда не отпрашивалась по болезни. И то, что однажды ночью она взяла да и умерла во сне, потрясло его и вселило даже некое чувство вины, как будто, годами работая с ней рядом и возясь со своими пилюлями, сиропами и шприцами, он не замечал какого-то важного симптома, а заметить — мог бы все исправить.

— Мышь, — сказала его жена, когда он взял на работу эту новую девушку. — Типичная мышка.

У Дениз Тибодо были круглые щеки и маленькие глазки, робко поглядывавшие из-за очков в коричневой оправе.

— Но милая мышка, — уточнил Генри. — Симпатичная.

— Не может быть симпатичным тот, кто горбится, — отрезала Оливия.

И действительно, узенькие плечи Дениз всегда были ссутулены, как будто она за что-то извинялась. Ей было двадцать два года, и она только что окончила университет штата Вермонт. Ее мужа тоже звали Генри, и Генри Киттеридж, впервые встретившись с Генри Тибодо, был восхищен совершенством этого юноши — совершенством, которого тот как будто вовсе не сознавал. Парень был полон сил и энергии, с твердыми чертами лица, со светом в глазах — казалось, светится все его простое, славное лицо. Он работал водопроводчиком в фирме своего дяди. Они с Дениз были год как женаты.

— Я не в восторге от этой идеи, — сказала Оливия, когда Генри предложил пригласить молодую пару на ужин.

Генри сделал вид, что не расслышал. Это было как раз в тот период, когда их сын, еще не проявлявший внешних признаков взросления, сделался вдруг напряженно угрюм, его дурное настроение выстреливало в воздух, словно ядовитый газ, и Оливия казалась такой же изменившейся и изменчивой, как Кристофер, и между этими двумя вспыхивали стремительные и яростные стычки, после которых их так же мгновенно словно бы окутывало одеяло безмолвной близости,

отчего Генри, растерянный и ошарашенный, чувствовал себя третьим лишним.

Но, болтая на парковке за аптекой с Дениз и Генри Тибодо на излете лета, в конце рабочего дня, когда солнце так уютно пряталось за еловыми ветками, Генри Киттеридж испытал такое острое желание видеть эту молодую пару, быть рядом с ними, их лица, когда он вспоминал свои давние университетские дни, были обращены к нему с таким робким, но живым интересом, что он сказал:

— Знаете что? Мы с Оливией хотим в ближайшие дни пригласить вас на ужин.

Он ехал домой, мимо высоких сосен, мимо поблескивающего залива, и думал о том, как чета Тибодо едет в противоположном направлении, к своему трейлеру на окраине. Он представлял себе этот трейлер, уютный и чистенький — потому что Дениз была аккуратисткой, — и представлял, как они обсуждают минувший день. Дениз могла бы сказать: «С таким начальником легко иметь дело», а Генри мог бы ответить: «Отличный мужик».

Когда он повернул на свою подъездную дорожку — не столько дорожку, сколько лужайку на вершине холма, — Оливия трудилась в саду.

— Привет, Оливия, — сказал он, направляясь к ней. Он хотел обнять ее, но натолкнулся на тьму, которая будто бы стояла вплотную к жене, как старая знакомая, не желающая уходить. Он сказал, что Тибодо придут на ужин. — Так будет правильно, — добавил он.

Оливия смахнула пот с верхней губы и отвернулась сорвать пучок перловника.